

УДК 343.9.01
ББК 67.518.0

А.В. Лысова
*доктор социологических наук, профессор,
Дальневосточный федеральный университет*

НАСИЛИЕ В ДОБРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЯХ И ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО: РЕЗУЛЬТАТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье показан уровень физического и психологического насилия среди студентов университетов в 32 странах мира, определенный на основе данных международного исследования. Раскрыты основные результаты, получившие освещение на 24-й ежегодной Международной конференции Австралийского и Новозеландского общества криминологии, состоявшейся 28–30 сентября 2011 г. (г. Джилонг, Австралия). Выявлено, что обоюдное насилие – наиболее распространенная форма насилия на свиданиях. При этом в странах с выраженным гендерным равенством уровень насилия на свиданиях ниже, чем в странах с выраженным неравенством между мужчинами и женщинами, что подтвердило нашу гипотезу. Исследование не подтвердило феминистской теории, выдвинуто предположение о том, что индекс гендерного равенства не оказывает значимого воздействия на уровень насилия против женщин. При этом обнаружен новый паттерн обоюдного насилия, когда в странах с выраженным гендерным равенством растет уровень совершения психологического насилия мужчинами и физического насилия женщинами, что подтверждает теорию конвергенции и согласуется с результатами других исследований. Статья содержит рекомендации для профилактики насильственной преступности в России.

Ключевые слова: насильственная преступность; детерминанты насильственной преступности; насилие в добрачных отношениях; гендерное равенство.

A.V. Lysova
*Doctor of Social sciences, Professor,
Far Eastern Federal University*

PREMARITAL ABUSE AND GENDER EQUITY: INTERNATIONAL RESEARCH RESULTS

The article presents the results of violent crime research officially approved on the 24th yearly International Conference of The Australian and New Zealand Society of Criminology (ANZSOC), held in Australia, Geelong in 2011. The paper show levels of physical abuse and mental violence among University students in 32 countries. These levels defined basing on international research data. It has been detected that mutual violence is the most wide-spread type of violence on dates. And in countries with a true gender equity level of date-violence is lower than in countries with strong male-female inequity. This proved author's theory. Reasearch hasn't proved feminist theory; an assumption that gender equity index does not have significant influence on level of violence against women was made. A new pattern of mutual violence was discovered: in countries with a true gender equity level of mental violence against males and physical abuse against females rises. This proves theory of convergention and agrees with other researches' results. The article suggests recommendation on violent crime prevention in Russia.

Key words: violent crime; violent crime determinants; premarital abuse; gender equity.

В криминологии особое место отводится изучению насилия в межличностных отношениях. Одной из наиболее скрытых и в то же время тяжелых форм насилия является межличностное насилие между членами одной се-

мьи или людьми, состоящими в иных близких отношениях, а именно в отношениях свиданий и сожительства. В процессе трансформации современной семьи от патриархальной и де-тоцентристской к супружеской модели можно

ожидать дальнейшего увеличения числа молодых людей, живущих в свободном союзе, или, иными словами, состоящих в незарегистрированных отношениях. Более того, значимость добрачных отношений в формировании паттернов и принципов дальнейшей интимной коммуникации призывает криминологов и социологов к более глубокому изучению этого феномена как одного из детерминантов преступного и девиантного поведения личности.

По данным более 50 исследований, проводившихся в разных странах мира, от 20 до 40 % молодых людей подвергались физическому насилию в межличностных добрачных отношениях со стороны своего партнера. При этом не только женщины, но и мужчины становятся жертвами насилия в отношениях. Многочисленные исследования свидетельствуют о гендерной симметрии (обоюдности) в совершении насилия особенно в этот период формирования отношений. Исследование насилия в добрачных отношениях в России выявило, что около четверти молодых людей, состоящих в добрачных отношениях (свиданий или сожительства), совершали насилие против своего интимного партнера. При этом уровень совершаемого женщинами насилия был не ниже мужского, а в отношениях свиданий даже превышал таковой [1].

Настоящее исследование раскрывает насильственную преступность в добрачных отношениях по двум основным направлениям. Во-первых, кроме российских данных нами использованы данные всех 32 стран, принявших участие в Международном исследовании насилия на свиданиях (МИНС). Во-вторых, помимо изучения феномена насилия в добрачных отношениях как такового нами предпринята попытка выявить, как уровень и структура этого вида насилия связаны со статусом женщин в той или иной стране, выраженным в форме индекса гендерного равенства.

В социальных науках и криминологии сложились два основных подхода к изучению проблемы домашнего насилия: гендерный (феминистский) подход и гендерно-нейтральный подход (подход семейного насилия). В отношении уровня насилия исследователи в рамках первой перспективы придерживаются идеи половой асимметрии в совершении насилия в семье, интимных отношениях, согласно которой мужчины – агрессоры, а женщины – исключительно жертвы насилия (Р.П. Добаш, Р.Е. Добаш, Л. Уолкер, К. Йолло, А. Дворкин,

Д. Рассел и др.). Представители направления семейного насилия (М. Страус, М. Фиберт, Б. Крахе, Л. Миллс, Д. Хайнц и др.), с другой стороны, отстаивают идею гендерной симметрии в совершении внутрисемейного насилия, согласно которой мужчины и женщины обладают примерно равным потенциалом и мотивацией в совершении насилия в семье, интимных отношениях.

Основную причину насилия над женщинами в интимных гетеросексуальных отношениях сторонники феминистских теорий видят в стремлении мужчин удерживать женщин в повиновении и подчинении [8; 13]. Насилие, таким образом, является стратегией или, скорее, инструментом, который мужчины используют против женщин для поддержания статус-кво в распределении власти в интимных отношениях и обществе в целом. Женскую агрессию эти авторы объясняют прежде всего самозащитой. Представители второго направления считают, что женщины движимы такими же мотивами, как и мужчины, в совершении насилия. При этом женщины иницируют насилие в межличностных отношениях так же часто, как и мужчины, однако так как мужчины физически сильнее и более тренированы в применении силы, то женщины чаще страдают от травм и становятся жертвами насилия и убийств в близких отношениях.

Противоречие между двумя направлениями исследований попытка разрешить М. Джонсон, который разработал концепцию о существовании двух основных типов насилия: «ситуационного насилия» («situational couple violence») и «интимного терроризма» («intimate terrorism») [10]. Он предположил, что представители феминистского направления сосредоточены прежде всего на «интимном терроризме», наиболее жестоких формах насилия в семье, где, как правило, жертвами оказываются женщины. Представители подхода семейного насилия исследуют «ситуационное насилие», характерное для большинства близких отношений, когда мужчины и женщины примерно в равной степени иницируют и совершают преимущественно легкие формы насилия в отношении друг друга.

Несмотря на большое число сторонников и популярность феминистских теорий, результаты эмпирических исследований, направленных на их проверку, противоречивы [3, с. 110–117]. Среди исследований, которые нашли эмпирическое подтверждение феминистской теории,

можно назвать, например, исследование, проведенное в США, которое показало, что в штатах с более выраженным гендерным неравенством уровень насилия против женщин был более высоким [14, с. 7–24]. Канадский исследователь Д. Браунридж объяснил более низкий уровень насилия, совершаемого мужчинами против женщин в провинции Квебек, установками равноправия и эгалитаризма, которые в наибольшей степени распространены в Квебеке по сравнению с остальными провинциями и территориями Канады [6]. Коллектив российских и американских ученых также нашел подтверждение феминистской теории в ходе исследования российских пар в трех городах России в 1996 г. [15].

С другой стороны, международное исследование в 27 странах мира, основанное на феминистской теории, показало, что уровень сексуального, но не физического насилия против женщин был ниже в странах, в которых женщины получили более высокое образование и достигли высокого профессионального статуса [17, с. 655–675], что служит лишь частичным подтверждением феминистской теории. Метаанализ 30 исследований, посвященных воздействию гендерного равенства на уровень насилия над женщинами, выявил крайне противоречивую картину [12]. Так, 25 % этих исследований выявили снижение уровня насилия над женщинами с ростом гендерного равенства (подтвердили феминистскую теорию), 22 %, наоборот, показали повышение уровня насилия с ростом гендерного равенства, в то время как 53 % исследований не нашли никаких статистически значимых взаимоотношений между двумя переменными. Рост уровня насилия, совершаемого женщинами, с укреплением гендерного равенства был подробно изучен феминисткой Ф. Адлер в рамках выдвинутой ею теории конвергенции или эмансипации [4]. Конвергенция, однако, не обязательно означает резкий рост уровня женской агрессии, но может быть связана со значительным снижением мужского насилия и небольшим ростом уровня женского насилия.

Учитывая результаты рассмотренных выше исследований, выдвинем три гипотезы. Во-первых, основываясь на позиции подхода семейного насилия, мы считаем, что межличностное насилие в интимных отношениях представляет собой сложный процесс взаимодействия, который не может быть сведен только к насилию мужчин над женщинами. На этом основании наше исследование измеряет

уровень физического и психологического насилия, совершаемого как мужчинами, так и женщинами, что позволяет судить об уровне обоюдного насилия. Опираясь также на типологию насилия М. Джонсона, мы ожидаем выявить высокий уровень обоюдного насилия, когда не только мужчины, но и женщины совершают насилие над партнером.

Во-вторых, основываясь на представлениях о мотивах гендерного насилия в рамках феминистских теорий, мы предполагаем, что в обществах с выраженным гендерным равенством уровень насилия (физического и психологического) против женщин будет ниже по сравнению с обществами с низким показателем гендерного равенства. Наконец, исходя из предпосылок теории конвергенции или эмансипации склонность женщин к совершению насилия в интимных отношениях с укреплением гендерного равенства также представляется возможной. На проверку этих гипотез направлено наше исследование.

Эмпирической базой послужили данные МИНС, полученные членами международного консорциума в 32 странах мира, включая Россию, в период с 2000 по 2005 г. Исследование проводилось среди студентов университетов старше 18 лет, которые дали согласие на участие в нем и состояли в добрых отношениях не менее одного месяца. В целях преодоления ограничений, связанных с феноменом, обратным «экологической ошибке», а именно с применением данных отдельных случаев или групп (на микроуровне) для объяснения сводных данных (на макроуровне), нами применялись данные в агрегированном виде, т.е. отдельные страны послужили единицами анализа.

Зависимая переменная в нашем исследовании – процент студентов, которые анонимно и конфиденциально сообщили о совершении ими насилия против интимного партнера в предшествующий исследованию год. Во всех странах применялась одинаковая методика для измерения насилия (конфликтные тактические шкалы по М. Страусу) и процедура сбора данных. Исходя из целей данного исследования нами измерялось насилие, совершаемое «только мужчинами», «только женщинами», а также «обоюдное насилие», которое рассчитывалось на основании этих двух переменных.

С учетом данных об эскалации насилия в интимных отношениях, которое часто начинается с психологического насилия (вербальной

агрессии) и перетекает в физическое насилие, в нашем исследовании рассмотрены именно эти два основных типа насилия. Под насилием в данной работе понимается применение физической силы и / или психологического воздействия с целью причинить боль и травмы партнеру в межличностных отношениях. Нас интересовало совершение наиболее тяжелых форм насилия. Для выявления уровня совершения тяжелых форм физического насилия респонденты должны были сообщить, как часто за предшествующий исследованию год они «ударяли об стену», «избивали», «душили», «ошпаривали» партнера или «применяли нож или пистолет» против него. Для выявления уровня тяжелых форм психологического насилия студенты отвечали на вопросы об «обзывании партнера жирным или уродливым», «порче вещей партнера», «обвинениях, что он (она) плохой любовник», «угрозах ударить и причинить боль».

Независимой переменной в исследовании выступил индекс гендерного равенства – переменная, направленная на измерение равенства между мужчинами и женщинами в трех основных сферах – принятия решений в экономических вопросах, участия в политической жизни и владения экономическими ресурсами [11]. Данные доступны для 25 из 32 стран, принимающих участие в исследовании.

Контрольными переменными послужили среднедушевой ВВП, пересчитанный по паритету покупательной способности в каждой стране на период 2007 г. в долларах США. Разброс по странам составил от 647 до 39 676 дол. (среднее – 19 616 дол., стандартное отклонение – 11 101 дол.). Индекс Джини (1992–2007) – показатель, отражающий неравенство в распределении семейных бюджетов, где за 0 взято идеальное равенство (в каждой семье одинаковый доход) и 100 % означает крайнее неравенство (одна семья получает все, а другие – ничего). Разброс данных в нашем исследовании составил от 25 до 58 % со средним показателем 38 % и стандартным отклонением 9 %.

Уровень зарегистрированных убийств на 100 тыс. человек, доступный в разных странах в период с 2000 по 2004 г. Показатель ранжировал от 0,5 до 47,5 со средним 7 и стандартным отклонением 11. Шкала социальной желательности измеряет частоту форм поведения, которые едва ли желательны, но совершаются почти каждым (например: «Я всегда готов при-

знать факт, что совершил ошибку» или «Независимо от того, с кем я разговариваю, я всегда хороший слушатель»). Чем выше показатель по этой шкале, тем ниже вероятность доверия ответам респондентов на вопросы, связанные с насилием. Показатель варьировал от 2,4 до 2,9 со средним 2,6 и стандартным отклонением 0,1. Для анализа данных были применены методы описательной и выводной статистики, прежде всего корреляционный и регрессионный виды анализа. Анализ качества корреляции (мультикорреляции) между независимыми переменными в регрессионном анализе показал удовлетворительные результаты.

Ранжирование стран в зависимости от уровня тяжелых форм насилия, совершаемого на свиданиях, выявило, что в медианной стране 10 % студентов (10,6 % женщин и 7,6 % мужчин) сообщили о совершении как минимум одного из перечисленных выше актов насилия в предшествующий год. Также были обнаружены большие различия между странами в уровне совершаемого студентами насилия. Например, максимальный уровень совершения тяжелых форм насилия выявлен в Тайване (21,6 %), минимальный – в Швеции (1,8 %). Ранжирование стран по паттернам совершения физического насилия позволило проверить первую выдвинутую гипотезу. Выявлено, что обоюдное насилие – наиболее распространенная форма насилия, что подтвердило нашу гипотезу. В медианном университете 57,2 % мужчин и женщин сообщили об обоюдном насилии в отношениях, в то время как 27,8 % студентов сообщили, что только женщины проявляли насилие в отношениях и 14,9 % – только мужчины.

Результаты относительно совершения тяжелых форм психологического насилия в отношениях свиданий демонстрируют очень похожие результаты с тем только отличием, что уровень совершения психологического насилия намного выше, что вполне ожидаемо (24,5 % в медианной стране). Максимальный уровень выявлен в Гонконге (45,9 %) и минимальный – в Швеции (8,3 %). В отношении паттернов психологического насилия обоюдное насилие снова оказалось самым распространенным типом насилия (59 %), потом следует насилие, совершаемое только женщинами (26 %) и только мужчинами (15 %). Итак, эти данные подтверждают первую выдвинутую нами гипотезу. Результаты исследования согласуются со многими другими исследованиями в этой области и эмпирически подтверждают вы-

двинутую М. Джонсоном типологию межличностного насилия, согласно которой основной формой межличностного интимного насилия в генеральной популяции (а не клинической выборке) является обоюдное насилие [10].

Корреляционный анализ между индексом гендерного равенства в стране и совершением респондентом насилия против интимного партнера выявил негативную связь. Найденная негативная корреляция статистически значима для совершения общего уровня физического насилия ($r = -0,42, p < 0,05$) и тяжелых форм психологического насилия ($r = -0,46, p < 0,05$). Это означает, что в странах с выраженным гендерным равенством уровень насилия на свиданиях ниже, чем в странах с выраженным неравенством между мужчинами и женщинами. Это вполне ожидаемый результат, так как высокий уровень гендерного равенства в стране часто положительно связан с другими показателями благополучия и негативно связан с уровнем убийств и насилия.

Последующий регрессионный анализ воздействия гендерного равенства и контрольных переменных на совершение насилия против женщин (насилие, совершаемое только мужчинами), однако, не может служить подтверждением второй выдвинутой гипотезы о снижении уровня насилия против женщин в обществах с выраженным гендерным равенством. Результаты представлены в таблице.

Из таблицы видно, что, хотя в целом уровень обоюдного насилия на свиданиях снижается в обществах с выраженным гендерным равенством ($\beta = -0,54, p < 0,01$ применительно к физическому насилию и $\beta = -0,50, p < 0,05$ применительно к психологическому насилию), что согласуется с результатами корреляционного анализа, индекс гендерного равенства не оказывает статистически значимого воздействия на совершение физического насилия мужчинами против женщин ($\beta = 0,16, p > 0,05$). Более того, обнаружено положительное воздействие индекса гендерного равенства на совершение психологического насилия мужчинами против

женщин. Таким образом, выдвинутая нами гипотеза, основанная на феминистской теории, не нашла эмпирического подтверждения.

Наконец, отметим интересный результат, который следует из приведенных ниже рисунков.

Хотя мы не наблюдаем роста уровня обоюдного однотипного (например, физическое – физическое) насилия в зависимости от выраженности гендерного равенства, тем не менее проявляется другой паттерн обоюдного насилия, который усиливается в зависимости от гендерного равенства в стране. Имеется в виду, что увеличение индекса гендерного равенства приводит к росту уровня совершения психологического насилия мужчинами ($\beta = 0,50, p < 0,05$) и росту уровня совершения физического насилия женщинами ($\beta = 0,48, p < 0,05$). Этот результат может служить подтверждением третьей гипотезы нашего исследования, согласно которой с укреплением гендерного равенства женщины более склонны к совершению насилия в интимных отношениях. Это также подтверждает теорию конвергенции или эмансипации, выдвинутую Ф. Адлер, и согласуется с результатами исследований женской агрессии, число которых заметно увеличилось в последние 10–15 лет [16].

Приведем другие возможные объяснения полученных данных. Во-первых, с ростом женского равноправия и индивидуализма во многих западных обществах нормы поведения мужчин в отношении женщин стали строже, а именно: насилие мужчин против женщин как в общественной сфере, так и в близких отношениях считается крайне недопустимым и строго преследуется по закону [5, с. 133–153]. Таким образом, мужчины в западных странах могут воздерживаться от совершения физического насилия против женщин из опасений понести потери в социальном статусе, финансах и т.д. Однако это не обязательно сдерживает их от совершения психологического насилия в отношениях (как показывает наше исследование), которое считается стратегией агрессии низкого риска и в меньшей степени преследуется по закону.

Типы совершенного насилия в зависимости от индекса гендерного равенства

Показатель	Совершение тяжелых форм физического насилия			Совершение тяжелых форм психологического насилия		
	Мужчины только	Женщины только	Обоюдное насилие	Мужчины только	Женщины только	Обоюдное насилие
Индекс гендерного равенства	0,16	0,48*	-0,54**	0,50*	0,30	-0,50*
$R^2 \text{ adj}$	0,32	0,17	0,28*	0,27'	-0,07	0,23'
N	23	23	23	23	23	23

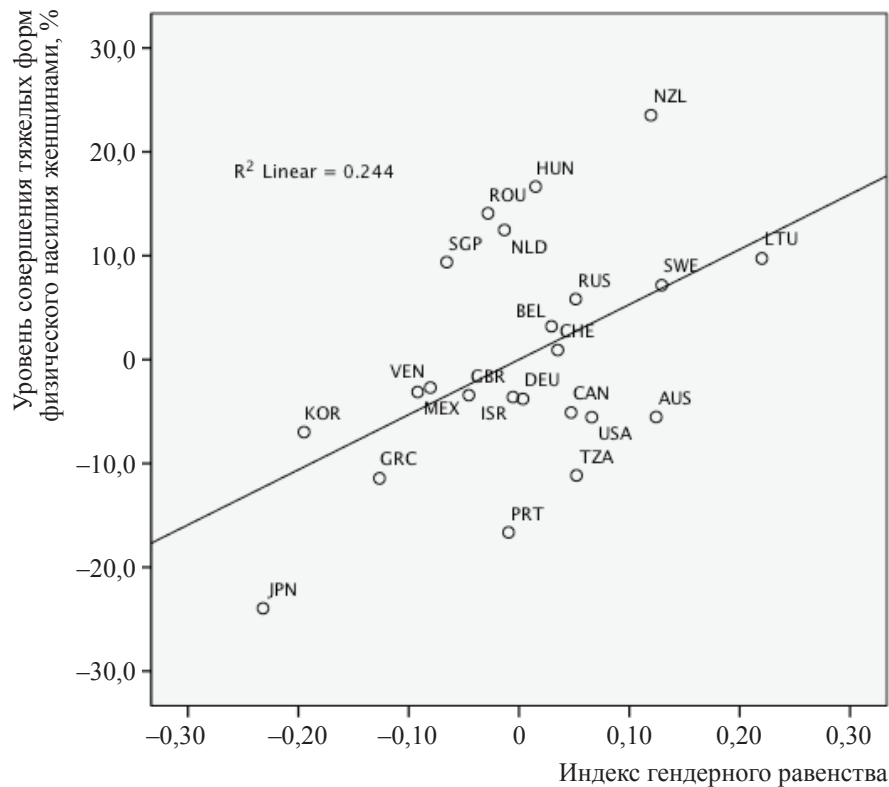

Рис. 1. Зависимость уровня совершения тяжелых форм физического насилия женщинами от индекса гендерного равенства в стране и контрольных переменных

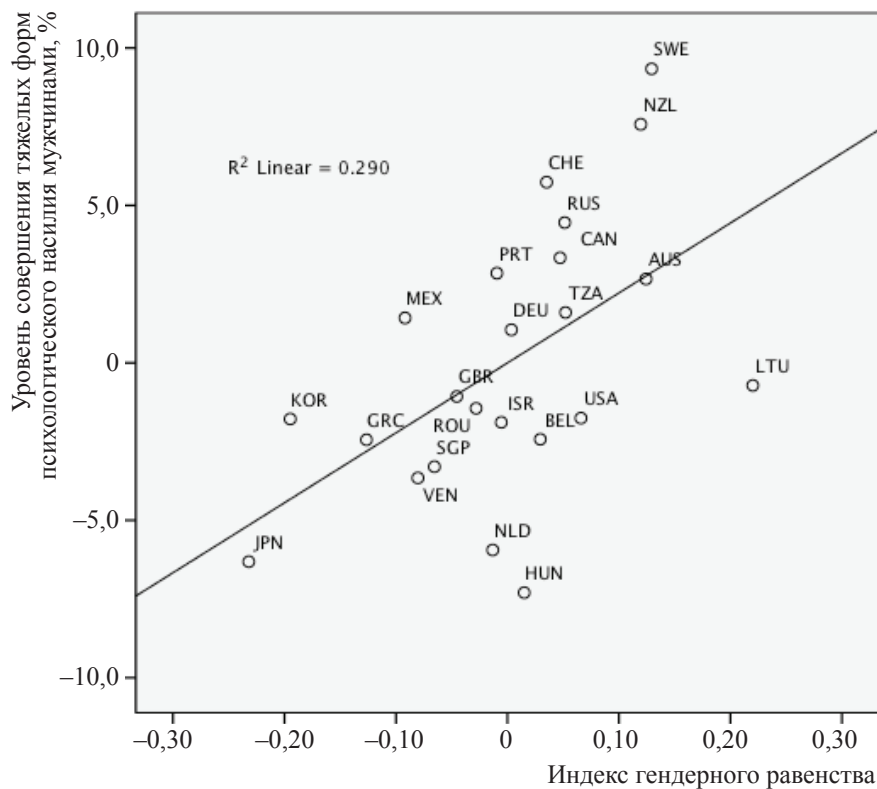

Рис. 2. Зависимость уровня совершения тяжелых форм психологического насилия мужчинами от индекса гендерного равенства в стране и контрольных переменных

Тот факт, что женщины в обществах с выраженным гендерным равноправием более склонны к совершению физического насилия над партнером в интимных отношениях, может отчасти объясняться отсутствием строгих общественных норм против такого поведения, совершаемого женщинами, и, как результат, безнаказанностью. Более того, женская агрессия может продолжать восприниматься безобидной, тривиальной и не заслуживающей серьезного внимания. Например, если девушка пнет или бросит предмет в партнера, который обозвал ее жирной, то это может быть воспринято, например, как женский способ выражения гнева. Кроме того, женщины в обществах с высоким гендерным равенством и строгими нормами против мужского насилия сами могут прибегать к насилию, рассчитывая при этом на помощь многочисленных социальных служб.

Еще одно объяснение полученных результатов заключается в том, что в обществах с

высоким гендерным равенством отношения между полами могут располагать к большей близости и интимности и одновременно к снижению страха у женщин перед мужской физической агрессией. На физиологическом уровне этот процесс сопровождается увеличением уровня окситоцина, который, в свою очередь, может провоцировать более частые вспышки агрессии со стороны женщин против мужчин в интимных отношениях [7, с. 390–398]. Для профилактики насилия между молодыми людьми на свиданиях важно распространять информацию о недопустимости насилия в интимных отношениях не только со стороны мужчин, но и со стороны женщин. Необходима дальнейшая разработка образовательных информационных и практических программ для подростков и молодых людей с целью обучения конструктивным способам разрешения конфликтных ситуаций и контроля злости.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лысова А.В. Насилие в добрачных отношениях: факторы риска и способы профилактики / А.В. Лысова. – Saarbrücken, 2011. – 368 с.
2. Лысова А.В. Насилие на свиданиях в России / А.В. Лысова // Социологические исследования. – 2006. – № 2. – С. 94–103.
3. Лысова А.В. О границах радикальной феминистской теории в объяснении насилия в семье / А.В. Лысова // Социологические исследования. – 2012. – № 4. – С. 110–117.
4. Adler F. Sisters in crime: The rise of the new female criminal / F. Adler. – N.Y., 1975. – 287 p.
5. Archer J. Cross-cultural differences in physical aggression between partners: A social-role analysis / J. Archer // Personality and Social Psychology Review. – 2006. – № 10. – P. 133–153.
6. Brownridge D. Cultural Variation in Male Partner Violence Against Women: A Comparison of Québec With the Rest of Canada / D. Brownridge // Violence Against Women. – 2002. – № 8 (1). – P. 87–115.
7. Cross C.P. Women's aggression / C.P. Cross, A. Campbell // Aggression and Violent Behavior. – 2011. – № 16 (5). – P. 390–398.
8. Dobash R.E. Violence against wives: A case against the patriarchy / R.E. Dobash, R.F. Dobash. – N.Y., 1979. – 339 p.
9. International Dating Violence Study [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pubpages.unh.edu/~mas2/IDV.htm>.
10. Johnson M.P. A typology of domestic violence: intimate terrorism, violent resistance, and situational couple violence / M.P. Johnson. – Boston, 2008. – 161 p.
11. Klasen S. UNDP's Gender-related Measures: Some Conceptual Problems and Possible Solutions / S. Klasen // Journal of Human Development. – 2006. – № 7 (2). – P. 243–274.
12. Roberts S.C.M. What Can Alcohol Researchers Learn from Research about the Relationship Between Macro-Level Gender Equality and Violence against Women? / S.C.M. Roberts // Alcohol and Alcoholism. – 2011. – № 46 (2). – P. 95–104.
13. Stark E. Coercive control: the entrapment of women in personal life / E. Stark. – N.Y., 2007. – 452 p.
14. Straus M.A. State-to-state differences in social inequality, and social bonds in relation to assaults on wives in the United States / M.A. Straus // Journal of comparative family studies. – 1994. – № 25 (1). – P. 7–24.
15. Vannoy D. Marriages in Russia: Couples during the economic transition / D. Vannoy, N. Rimashevskaya, L. Cubbins, M. Malysheva, E. Meshterkina, M. Pisklakova. – Westport, 1999. – 241 p.
16. White J.W. Deconstructing the myth of the nonaggressive woman / J.W. White, R.M. Kowalski // Psychology of Women Quarterly. – 1994. – № 18 (4). – P. 487–508.
17. Yodanis C. Gender Inequality, Violence Against Women, and Fear: A Cross-National Test of the Feminist Theory of Violence Against Women / C. Yodanis // Journal of Interpersonal Violence. – 2004. – № 19 (6). – P. 655–675.

REFERENCES

1. Lysova A.V. Premarital abuse: risk factors and ways of prevention. [Nasilie v dobrachnyh otnoshenijah: faktory riska i sposoby profilaktiki]. Saarbrücken, 2011. 368 p.
2. Lysova A.V. Abuse on dates. [Nasilie na svidaniyah v Rossii]. Sociologicheskie issledovaniya – *Sociological Researches*, 2006. no. 2, pp. 94–103.
3. Lysova A.V. On scope of radical feminist theory in explaining domestic abuse. [O granicah radikal'noj feministskoj teorii v ob#jasnenii nasilija v sem'e]. Sociologicheskie issledovaniya – *Sociological Researches*, 2012. no. 4, pp. 110–117.
4. Adler F. Sisters in crime: The rise of the new female criminal / F. Adler. N.Y., 1975. 287 p.
5. Archer J. Cross-cultural differences in physical aggression between partners: A social-role analysis / J. Archer // *Personality and Social Psychology Review*. 2006. № 10. Pp. 133–153.
6. Brownridge D. Cultural Variation in Male Partner Violence Against Women: A Comparison of Québec With the Rest of Canada / D. Brownridge // *Violence Against Women*. 2002. № 8 (1). Pp. 87–115.
7. Cross C.P. Women's aggression / C.P. Cross, A. Campbell // *Aggression and Violent Behavior*. 2011. № 16 (5). Pp. 390–398.
8. Dobash R.E. Violence against wives: A case against the patriarchy / R.E. Dobash, R.F. Dobash. N.Y., 1979. 339 p.
9. International Dating Violence Study. Available at: <http://pubpages.unh.edu/~mas2/ID.htm>.
10. Johnson M.P. A typology of domestic violence: intimate terrorism, violent resistance, and situational couple violence / M.P. Johnson. Boston, 2008. 161 p.
11. Klasen S. UNDP's Gender-related Measures: Some Conceptual Problems and Possible Solutions / S. Klasen // *Journal of Human Development*. 2006. № 7 (2). Pp. 243–274.
12. Roberts S.C.M. What Can Alcohol Researchers Learn from Research about the Relationship Between Macro-Level Gender Equality and Violence against Women? / S.C.M. Roberts. [*Alcohol and Alcoholism*]. 2011. № 46 (2). Pp. 95–104.
13. Stark E. Coercive control: the entrapment of women in personal life / E. Stark. N.Y., 2007. 452 p.
14. Straus M.A. State-to-state differences in social inequality, and social bonds in relation to assaults on wives in the United States / M.A. Straus. *Journal of comparative family studies*. 1994. № 25 (1). Pp. 7–24.
15. Vannoy D. Marriages in Russia: Couples during the economic transition / D. Vannoy, N. Rimashevskaya, L. Cubbins, M. Malysheva, E. Meshterkina, M. Pisklakova. Westport, 1999. 241 p.
16. White J.W. Deconstructing the myth of the nonaggressive woman / J.W. White, R.M. Kowalski. [*Psychology of Women Quarterly*]. 1994. № 18 (4). Pp. 487–508.
17. Yodanis C. Gender Inequality, Violence Against Women, and Fear: A Cross-National Test of the Feminist Theory of Violence Against Women / C. Yodanis. [*Journal of Interpersonal Violence*]. 2004. № 19 (6). Pp. 655–675.

Сведения об авторе

Лысова Александра Владимировна – профессор школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, доктор социологических наук, Владивосток; e-mail: alexandra.lysova@yahoo.com.

About the author

Lysova Aleksandra Vladimirovna – Professor of School of Humanities, Far Eastern Federal University, Doctor of Social sciences, Professor, Vladivostok; e-mail: alexandra.lysova@yahoo.com.